

На следующее утро первым проснулся Цао Юйнин. Встав с постели и оглядевшись, он понял, что находится в отеле. Вспомнив события прошлой ночи, он тут же осмотрел себя.

— Одежда на месте... Что за дела? Разве Лян Сычжэ не напоил меня и не привёз в отель?

Он быстро вскочил с кровати, надел тапочки, предложенные отелем, и вышел в гостиную. Лян Сычжэ нигде не было видно. Дверь в главную спальню была закрыта. Цао Юйнин не был уверен, что Лян Сычжэ там, но, набравшись смелости, подошел к двери и постучал. Ответа не последовало. Он постучал ещё два раза и неуверенно позвал:

— Сычжэ-гэ?

Он уже собирался постучать в третий раз, когда услышал стук во входную дверь номера.

Тук-тук-тук. Кто это? Сонный Цао Юйнин поплёлся к двери. Как только он её открыл, сон как рукой сняло — за дверью стоял Лян Сычжэ. Цао Юйнин застыл на месте. Он уже хотел окликнуть Лян Сычжэ, но тот приложил палец к губам, жестом попросив его говорить тише. Цао Юйнин тут же замолчал.

— Твой брат ещё спит? — спросил Лян Сычжэ.

— Да... — Цао Юйнин почесал голову, пытаясь хоть немного привести себя в порядок. — Ты к нему?

Лян Сычжэ хотел что-то сказать, но тут из спальни послышался недовольный голос Цао Е:

— Цао Юйнин!

Цао Юйнин посмотрел на Лян Сычжэ. Тот кивком указал ему на спальню, а сам прошёл в гостиную и сел на диван. Цао Юйнин направился к комнате Цао Е и, открыв дверь, начал:

— Сычжэ-гэ...

— Цао Юйнин, иди сюда, — резко прервал его Цао Е. Он только что проснулся, и, разбуженный стуком, судя по всему, был не в духе. Он указал на место рядом с кроватью:

— Сядь сюда.

Цао Юйнин понял, что Цао Е на грани взрыва, и находится в таком же состоянии, как и его взъерошенные волосы после сна...

— Брат, Сычжэ-гэ... — инстинктивно начал Цао Юйнин, пытаясь использовать Лян Сычжэ как щит и сообщить брату о его присутствии в гостиной, чтобы тот следил за своими словами.

Однако Цао Е нахмурился и не дал ему договорить:

— Сычжэ-гэ... Сколько раз ты назвал его «Сычжэ-гэ» с прошлой ночи? Я тебя спрашиваю, твой брат Лян Сычжэ или я?

— Нет...

— Что «нет»? Ты вообще думаешь, Цао Юйнин?.. Это Лян Сычжэ тебя вчера спаивал?

— Он меня не спаивал! — Цао Юйнин чувствовал себя немного виноватым. — Я сам пил...

— А, понятно. Ты сам напросился к нему в постель, да? — Недовольство Цао Е было написано у него на лице.

Он смотрел на брата, и образ послушного Цао Юйнина рушился в его глазах. Он всегда считал своего младшего брата примерным мальчиком и не мог представить, что Цао Юйнин все эти дни упрашивал его съездить на съёмочную площадку только для того, чтобы тот выступил в роли сводника.

Цао Е потёр переносицу и, закрыв глаза, спросил:

— И что хорошего ты в нём нашёл? Расскажи мне.

Вспоминая прошлый вечер, Цао Юйнин начал восстанавливать в памяти события, произошедшие до того, как он окончательно отключился. Лян Сычжэ сидел напротив и полушутя-полусерьёзно говорил о своей тайной любви к Цао Е. Неужели это правда? Неужели его кумир Лян Сычжэ действительно влюблён в его брата? Эта мысль была невыносима Цао Юйнину. В его глазах Лян Сычжэ практически упал с пьедестала. Он не знал других, но своего брата, Цао Е, знал очень хорошо. Каждый раз, когда он приезжал домой на каникулы, у Цао Е появлялась новая девушка. Хотя Лян Сычжэ тоже постоянно был окружён слухами о романах, Цао Юйнин, как преданный фанат, идеализирующий своего кумира, всегда считал его недосыгаемым божеством. Ему казалось, что Лян Сычжэ не может быть связан со словами «тайная любовь». А если и может, то объектом его воздыханий должен быть кто-то настолько же недосыгаемый. Почему же именно Цао Е?

Цао Юйнин пробормотал:

— Я тоже не вижу, что в тебе хорошего.

Этот мальчишка ещё и защищает Лян Сычжэ! Цао Е рассмеялся от возмущения и начал препираться с братом:

— Если бы ты увидел во мне хорошее, это было бы ещё хуже. Ты планируешь инцест? Я тебя предупреждаю, Цао Юйнин, даже не думай об этом.

— Да кто о тебе думает! — Цао Юйнин чуть не подскочил от возмущения.

— И о Лян Сычжэ тоже не думай!

Цао Юйнин, задыхаясь от злости, сел на край кровати. Видя, что Цао Юйнин действительно расстроился, Цао Е перестал его дразнить, но счёл необходимым объяснить ему всё как есть и убедить его больше не приставать к Лян Сычжэ. Судя по реакции Лян Сычжэ прошлой ночью, тот явно не хотел, чтобы Цао Юйнин снова появлялся на съёмочной площадке и мешал.

Стараясь вести себя как старший брат, Цао Е решил поговорить с Цао Юйнином по душам и, как взрослый, постарался объяснить ему мысли Лян Сычжэ:

— Хорошо, вы с Лян Сычжэ находитесь совершенно на разных уровнях. Если бы он захотел с тобой переспать, то сделал бы это без проблем. Раз он не делает этого, значит, он к тебе совершенно равнодушен.

Цао Юйнин фыркнул, явно не соглашаясь. Тогда Цао Е заговорил жёстче, чтобы отбить у него охоту приставать к Лян Сычжэ:

— Тех, кто хочет попасть в постель к Лян Сычжэ, пруд пруди. Ему незачем тратить время на того, кто ему не интересен...

На середине фразы он услышал шаги в гостиной. Неужели там ещё кто-то есть? Удивлённо взглянув на дверь, Цао Е замолчал — на пороге, прислонившись к косяку, стоял Лян Сычжэ и смотрел на него с улыбкой.

— Ты меня хорошо знаешь. А какого я уровня, по-твоему?

Цао Е молчал.

— Продолжай, мне интересно. — Лян Сычжэ улыбнулся. — Так кем же должен быть этот человек, чтобы звезда такого высокого уровня, как я, тратил на него время?

Цао Е тут же сник. Он закашлялся и прикрыл рот кулаком:

— ...Когда ты пришёл?

— Ещё до того, как ты проснулся, Сычжэ-гэ уже был здесь, — тихо сказал Цао Юйнин.

— А... У тебя ко мне какое-то дело? — Цао Е, делая вид, что ничего не произошло, обратился к Лян Сычжэ, стараясь перевести тему.

— У меня нет к тебе дел, я пришёл к Цао Юйнину. — Лян Сычжэ не стал заикливаться на предыдущем разговоре. Он улыбнулся. — Извини, я просто вмешался, потому что разговор зашёл обо мне, и я подумал, что было бы некрасиво с моей стороны ничего не сказать.

— Ничего... Ну что ж, Цао Юйнин, иди. — Цао Е махнул рукой, отпуская его.

Лян Сычжэ вышел из спальни первым. Цао Юйнин уже хотел встать, но Цао Е его остановил, понизив голос:

— Почему ты не сказал мне, что Лян Сычжэ снаружи?

Цао Юйнин невинно посмотрел на него:

— Ты мне и слова не дал вставить. Как только я сказал «Сычжэ-гэ», ты сразу взорвался...

— Ладно, иди. — Цао Е бессильно махнул рукой.

Оставшись в комнате, Цао Е откинулся на подушку и взъерошил волосы. «Кажется, я ничего такого не сказал... И всё, что я сказал, правда... Выражение лица Лян Сычжэ казалось вполне нормальным...»

За исключением того, что это всё подпортило авторитет Цао Е. Да, авторитет... Он обычно не церемонился с Цао Юйнином и редко строил из себя старшего брата, поэтому, несмотря на семилетнюю разницу в возрасте, Цао Е часто переругивался с ним, а иногда даже специально выводил из себя. Вспомнив это, Цао Е отругал себя за незрелые поступки. Ладно... Хватит думать об этом. Цао Е снова взъерошил волосы, дотянулся до телефона на тумбочке и позвонил на ресепшен, попросив принести одежду, отданную в химчистку накануне вечером.

За дверью спальни Цао Юйнин, испытывая беспокойство, подошёл к Лян Сычжэ. Он не знал, зачем тот его позвал, но его намерение переспать с ним прошлой ночью, должно быть, уже было раскрыто...

Лян Сычжэ заговорил, но о совершенно неважных вещах:

— Сколько ты потратил на еду для съёмочной группы за эти дни?

Цао Юйнин не сразу понял:

— А?

— Ты же вчера добавил меня в WeChat, пришли номер твоей карты.

— А? — Цао Юйнин замахал руками. — Я... Я же заказывал еду для съёмочной группы без твоего разрешения...

— Я не могу позволить тебе платить... — Лян Сычжэ, глядя в телефон, сказал: — Отправь мне номер карты.

В этот момент Цао Е в гостиничном халате вышел из спальни. Проходя мимо, он бросил на них взгляд:

— Не надо ничего возвращать. Он платил моей картой.

— Да. — Цао Юйнин немного смущённо почесал затылок. — Я платил картой брата.

Цао Е подошёл к двери ванной и, взявшись за ручку, сказал:

— Цао Юйнин, не забудь вернуть карту. — Затем он зашёл в ванную.

— В таком случае, забудь. — Лян Сычжэ убрал телефон и снова обратился к Цао Юйнину: — Извини за то, что вчера напоил тебя.

— А, всё в порядке, всё в порядке. Ты же сказал, что решать — это моё право... — тут же ответил Цао Юйнин. Так рано утром Лян Сычжэ специально пришёл, чтобы вернуть ему деньги, да ещё извинился. Цао Юйнин вернул Лян Сычжэ на пьедестал в своём сердце.

Из ванной доносился шум воды: Цао Е принимал душ. Не в силах сдержать любопытства, Цао Юйнин после нескольких секунд колебаний понизил голос и спросил Лян Сычжэ:

— Сычжэ-гэ, ты правда тайно влюблён в моего брата?

Лян Сычжэ, склонившись над телефоном, читал сообщения. Он поднял глаза, улыбнулся, но ничего не сказал и снова уставился в экран, что-то печатая. Цао Юйнин не мог понять, что означал взгляд Лян Сычжэ. Улыбка в его глазах была неоднозначной, она напоминала его слова прошлой ночью: «Ты правда поверил?» или его обычную фразу для журналистов:

«Догадайся».

— Но мой брат — гомофоб... — с некоторым беспокойством произнес Цао Юйнин.

— Гомофоб? — Лян Сычжэ перевел взгляд с экрана на Цао Юйнина.

Цао Юйнин с затруднением кивнул, затем быстро добавил:

— Я не выдумываю... Несколько раз за ужином брат Линь Янь говорил об этом при нас, а мой брат не стал возражать, поэтому я думаю, это правда...

Лян Сычжэ задумался, но его выражение лица не выражало удивления:

— О, я догадался.

Его тон был обычным, и Цао Юйнин всё ещё не мог понять, действительно ли Лян Сычжэ проявляет интерес к Цао Е. Наблюдая за выражением лица Лян Сычжэ, он не смог удержаться и продолжил расспрашивать:

— А что ты собираешься делать?

— Что делать? — Лян Сычжэ усмехнулся.

После такого вопроса Цао Юйнин почувствовал себя болтуном. Казалось, Лян Сычжэ не хотел прямо отвечать на этот вопрос.

— Ничего... — Он почесал затылок.

После ухода Лян Сычжэ Цао Юйнин сидел на диване, обдумывая их вчерашний и сегодняшний разговоры. То он думал, что всё это правда, то ему казалось, что он сам всё это выдумал. Цао Е вышел из спальни, вытирая волосы полотенцем:

— Лян Сычжэ ушёл?

— Да... — Цао Юйнин посмотрел на него.

— Что у тебя за выражение лица? — Увидев смятение и нерешительность на лице Цао Юйнина, Цао Е не смог удержаться от насмешки. — Я же говорил, не приставай ко мне. Ты же знаешь, что я гомофоб.

Настроение Цао Юйнина стало ещё хуже.

— Брат, тебе следует быть осторожнее.

— Да, мне стоит быть осторожнее. Твой отец всеми силами пытается купить мою компанию, а ты спокойно тратишь мои деньги, добиваясь Лян Сычжэ. — Цао Е подошёл к нему и протянул руку. — Отдай карту.

Цао Юйнин вернулся в комнату и пробормотал себе под нос:

— Не может быть, чтобы Сычжэ-гэ полюбил тебя...

Цао Е услышал только «Сычжэ-гэ»:

— Опять Сычжэ-гэ? Найди себе другого брата.

— Я бы тоже этого хотел! — сказал Цао Юйнин.

Пообедав в ресторане отеля, Цао Е и Цао Юйнин направились к лифту. Двери лифта уже начали закрываться. Видя, что они не успевают, братья не торопились, а спокойно шли вперёд. В следующую секунду двери лифта сами открылись. Зайдя внутрь, они увидели Сун Цинъянь, стоящую у дверей лифта и держащую палец на кнопке «открыть», ожидая, когда они войдут. Лян Сычжэ стоял в глубине кабины.

— Вот это совпадение. — Цао Е поздоровался с Лян Сычжэ. — Разве ты сегодня утром не был на съёмках?

— Да, — ответил Лян Сычжэ. — Пан Ин придёт во второй половине дня.

Цао Е кивнул. Заметив, как Цао Юйнин шарит в карманах, сначала в передних, потом в задних, он небрежно спросил:

— Что ищешь?

— Ты что, украл мои сигареты?! — С упрёком посмотрел на него Цао Юйнин, в голосе звучала уверенность.

— У меня свои есть, зачем мне воровать твои? — Цао Е был ошарашен. Он подумал, что Цао Юйнин всё время перекладывает вину на него [1], а Лян Сычжэ остаётся безнаказанным.

[1] «□□□□□□» (gēbozhǒu wǎng wài guǎi) — идиома, означающая «локти вывернуты наружу», или

«бить себя в грудь». Она используется, когда человек защищает или поддерживает кого-то другого, особенно постороннего, вместо своих близких.

Цао Юйнин, очевидно, не поверил:

— Если ты не крал их, то где мои сигареты?

Цао Е, сунув руки в карманы, прислонился к стенке лифта, не желая обращать на него внимание.

— Откуда я знаю?

— Это я украл, — вмешался Лян Сычжэ.

Цао Юйнин сразу же замолчал, неловко пробормотав:

— А... ну... ну это не кража...

Цао Е бросил на него взгляд:

— А у меня кража, да?

Цао Юйнин онемел. Сун Цинъянь не смогла сдержать смех.

Лян Сычжэ повернулся к Цао Е:

— У тебя есть сигареты?

— Ты всё ещё куришь... — Цао Е посмотрел на него и не сделал ни малейшего движения. — Бросай уже.

Но в следующую секунду Лян Сычжэ сунул руку в карман Цао Е. Цао Е держал пачку сигарет в руке. Кисть Лян Сычжэ коснулась тыльной стороны его ладони, и, прежде чем он успел среагировать, Лян Сычжэ вытащил сигареты из его руки и бросил Цао Юйнину:

— Раз не кража, значит, я их одолжил. Вот, лови.

Цао Юйнин инстинктивно поймал пачку и посмотрел на Цао Е. Тот посмотрел на Лян Сычжэ:

— Это, кажется, мои сигареты?

— Если ты возражаешь... — Лян Сычжэ тоже посмотрел на него. — Вычтем это из моего гонорара за «Роковой выбор».

В этот момент лифт прибыл на подземный паркинг. Раздался писк, двери открылись, и Лян Сычжэ, выпрямившись, вышел из лифта. Сун Циньянь побежала следом. Цао Е последовал за ними. Цао Юйнин, опустив взгляд на чёрную пачку сигарет, ещё больше запутался. Он догнал Цао Е и спросил:

— Брат, ты правда отдашь их мне?

— Хочешь их вернуть мне? — Цао Е протянул к нему руку.

— Нет. — Цао Юйнин быстро спрятал сигареты в карман.

Машина Цао Е стояла у выхода с парковки. Выйдя из лифта и повернув налево, нужно было пройти ещё метров десять. Дойдя до машины и собираясь открыть дверь, он услышал, как Лян Сычжэ окликнул его:

— Цао Е.

Он обернулся. Лян Сычжэ сидел в высоком внедорожнике, опустив стекло, и смотрел на него. Цао Е отпустил ручку двери и выпрямился, ожидая, когда тот заговорит.

— У меня есть вопрос, который я хотел бы тебе задать. — Лян Сычжэ открыл дверь и, выскочив из машины, остановился неподалёку, глядя на него.

Цао Е подошёл к нему:

— О чём это ты, раз уж используешь выражение «задать вопрос»?

— О съёмках.

— Говори.

— Я думаю, реакция Шрама на сцену, где Цинь Наньмина приводят обратно, должна быть более экстремальной.

— Ту сцену, что я видел в тот день?

— Да.

Цао Е был немного удивлён, затем улыбнулся:

— Ты столько раз получал награду «Лучший актёр», разве ты не можешь сам определить, как нужно играть? Зачем спрашивать меня, непрофессионала?

— Тебя послушать, я каждый раз получаю награду за лучшую мужскую роль. — Лян Сычжэ невозмутимо посмотрел на него, похоже, не собираясь отказываться от вопроса. — Но на самом деле фильмов, за которые я не получил награду, намного больше тех, за которые получил.

Тон и взгляд Лян Сычжэ не позволили Цао Е увливать дальше. Он вспомнил сцену из фильма, задумался на мгновение и сказал:

— Ты сравниваешь свою игру с версией Хуан Цяньши? Честно говоря, хотя его версия тоже очень эмоциональна, мне кажется, его реакция немного чрезмерна, из-за этого Шрам выглядит слишком раздражённым. На самом деле, Шрам — крайне высокомерный человек, который должен получать удовольствие от забав с Цинь Наньмином.

— Я думаю примерно так же. — Лян Сычжэ посмотрел на него. — Спасибо.

— Если больше нет вопросов, я пойду. — Цао Е собрался уходить.

— Цао Е, подожди. — Лян Сычжэ остановил его.

Цао Е остановился, ожидая следующего вопроса.

— Удалось ли нам достичь перемирия? — Лян Сычжэ посмотрел ему прямо в глаза.

В этом взгляде было слишком много неясных и труднообъяснимых эмоций, заставивших Цао Е отвести взгляд. Немного помолчав, он протянул руку Лян Сычжэ, затем снова посмотрел на него. Лян Сычжэ улыбнулся и пожал руку. Никто ничего не сказал, но они оба знали, что всё позади.

Вернувшись в машину, Цао Юйнин, всё это время смотревший в окно, повернулся к Цао Е и с любопытством спросил, зачем Лян Сычжэ его искал.

— Обсуждали роль, — ответил Цао Е.

— Правда? — Цао Юйнин явно не поверил. — Зачем ему обсуждать роль с тобой? Ты же никогда не снимался в кино.

— Откуда мне знать? Спроси у него. — Цао Е пристегнулся ремнём безопасности, подумав про себя, что он действительно чуть не стал актёром. Более того, на улице Иньсы он не раз обсуждал роль с Лян Сычжэ.

«Как ты думаешь, что чувствовал сяо Мань к Пэн Янь?»

«Наверное, немного ей завидовал».

«Завидовал? Да, немного. И ещё, наверное, был ей благодарен?»

«Да, был благодарен. Ему было любопытно... Я думаю... возможно, ещё и любовь».

«А? — опешил юноша. — Откуда ты это взял? Пэн Янь же замужем...»

Цао Е внезапно вспомнил ту сцену на крыше. Лян Сычжэ сидел на краю крыши, свесив ноги, и Цао Е действительно боялся, что он упадёт. Он присел на корточки, положив руку на плечо Лян Сычжэ. Он помнил, как Лян Сычжэ моргнул: его ресницы опустились, а затем взлетели вверх. Улица Иньсы, «Лазурная вечеринка», крыша... Как давно это было...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130248>